

— С нашего предыдущего интервью прошло не так много времени — но можно ли сказать, что мы говорим с другим человеком? Это, разумеется, шутка, но скажите, сильно ли для вас лично изменилась ситуация после избрания президентом Академии наук?

— Безусловно, изменилась и с точки зрения мировосприятия, и стиля жизни, и, скажем так, переживаний, оценки своих действий. Я на это сознательно шел, понимая, что в тех обстоятельствах, которые сложились в марте 2017 года, от членов академии требуются необычные новые подходы, решения. Тогда я и принял предложение Отделения физических наук, согласился выдвинуть свою кандидатуру на пост президента РАН. В последующий год происходило выстраивание отношений на всех уровнях, чтобы добиться, с одной стороны, консенсуса в отношении того, как понимается роль науки, Академии наук в нашей стране, а с другой — чтобы Академия наук получала большие полномочия, ресурс для осуществления этих полномочий, была нужна стране. Прошедший год показал, что на академию возлагаются большие надежды в том, что наука в стране, правильным образом поставленная, должна реально помогать движению экономики вперед. Это нетривиальное утверждение, потому что считается, что Академия наук — это прежде всего фундаментальные исследования, генерация знаний, а как оно потом подхватывалось и превращалось в конкретные технологии, решения, продукты, академия ответственность не несла, все шло как бы само собой. Теперь мы понимаем роль РАН не только как генерацию фундаментальных исследований, знаний, но и реальную работу над тем, чтобы знания, которыми мы располагаем, превращались в то, что нужно обществу: продукты, технологии, решения, которые нужны для социального развития.

Общее собрание РАН, которое прошло в середине ноября, как раз свидетельствует об этом. Мы обсуждали новые фундаментальные результаты, разговор шел о том, как Академия наук может не только способствовать в продвижении по всей цепочке от генерации знаний до рынка, но и стать координатором того, как нужно двигаться. Инструменты для этого созданы, и теперь пусть не все, но многое зависит от нас. Это, наверное, один из главных моментов прошедшего года — нахождение востребованности именно в обеспечении продвижения от фундаментальной науки, вообще от науки к конкретному продукту, технологиям, социальным заказам.

Вы спрашиваете, другой ли я теперь человек, — конечно, другой! Я за время пребывания на посту президента познакомился с таким количеством интересных людей, ярких личностей, с которыми за всю свою предыдущую жизнь не знакомился. Это и ученые, и губернаторы, и послы. Были и совсем неожиданные для меня знакомства, в частности с патриархом. Есть Макариевские премии, которые присуждаются совместно РАН, РПЦ и мэрией Москвы в честь знаменитого русского историка и богослова позапрошлого века. Казалось бы, что общего можно найти между интересами светской и религиозной организаций, однако есть определенный интерфейс, где знания, которые получаются с помощью не только светских гуманитарных, но и естественных наук, представляют интерес для другой стороны. Понятно, что история человечества тесно связана с религией, и история как светская наука всегда коммуницирует с религиозными исследованиями. Но сейчас мы являемся свидетелями применения новых достижений естественных наук в гуманитарной сфере, что касается как светской, так и религиозной науки. Интересно, что у нас есть новая номинация, которую мы предложили вместе со святейшим: за использование современных достижений естественных наук в изучении и сохранении исторического и культурного наследия, которая впервые будет вручаться в конце декабря этого года. Вопросы переосмысления исторического наследия традиционно находятся в цен-

Теперь мы понимаем роль РАН не только как генерацию фундаментальных исследований, знаний, но и реальную работу над тем, чтобы знания, которыми мы располагаем, превращались в то, что нужно обществу: продукты, технологии, решения, которые нужны для социального развития.

МИХАИЛ ЛЕБЕДЕВ

тре внимания нашего общества и нашей гуманитарной науки. Сейчас вообще такой период в жизни всего человечества, когда после периода глобализации все занялись поиском своей идентичности. В нашей стране эти поиски наиболее интересны и важны, мы настолько многонациональны и многоконфессиональны, а Россия настолько огромна по размерам, что определить параметры нашей идентичности очень непросто, и здесь академическая наука тоже может предложить свои решения. Для меня как естествонаучника погружение в проблемы гуманитарных наук является новым и интересным опытом, и в этом конкретном смысле тоже появляется другое мировосприятие.

— Как вы решились на этот поход во власть? Пришлось ли вам как-то договариваться с администрацией президента? Согласовывать с кем бы то ни было свою программу?

— Ничего мне не пришлось ни с кем согласовывать. Меня это удивило, но в результате ни малейшего давления сверху на принятие решений, на формирование моей программы, способы ее представления вообще не почувствовал. Конечно, был впервые поставлен законодательный фильтр, так что из семи кандидатов осталось пять, но академия все-таки структура государственная, и государство имеет право ставить какие-то условия. Но еще раз хочу сказать: ни давления, ни согласований, разговоров, призывов делать это или это не было.

— Что сейчас, спустя год после избрания, воплощено из программы, каковы ближайшие шаги? Как вообще, по-вашему, выглядит ситуация с управлением наукой сейчас — в сравнении, скажем, с ситуацией 2013 года?

— В нашей программе были сформулированы 20 первоочередных задач, что-то из этого начало выполняться, что-то еще не выполняется. Про консенсус с разными ветвями власти и с обществом в отношении важности науки и роли Академии наук я уже сказал, первым пунктом программы было его достижение. Считаю, что этот пункт в значительной степени выполнен. Вторая задача состояла в том, что у нас в РАН должны появиться инструменты выполнения своих полномочий. До 2013 года основным инструментом были принадлежавшие РАН академические институты, которые ушли в ФАНО, потом в министерство, и у Академии наук этот инструмент сейчас присутствует явно не в той степени, что раньше. Что же есть нового?

У РАН по принятому в июле закону и новой версии устава появилось полномочие по прогнозированию основных направлений научного, научно-технического и социально-экономического развития страны. И кроме того, что очень важно, по вынесению предложений на уровень государственной власти. До этого было по-другому. Соберется сотня умных голов, представит всю пестроту взглядов, свойственную академической среде, сформулирует коллективное решение. Но официально вынести его, скажем, на рассмотрение какого-либо отраслевого министерства было невозможно. Министерство могло сказать: а вы кто такие, вас здесь в нашем списке не стояло, до свидания! Теперь это не так.

Еще один важный инструмент — научно-методическое руководство всеми научными учреждениями страны, не только академическими институтами. Науку сейчас, даже фундаментальную, растащили по разным ведомствам. У нас 15 федеральных органов исполнительной власти — ФОИВов в стране, которые ведут фундаментальные исследования, статья «наука» есть почти во всех государственных программах. Получается, что деньги вроде бы на науку в целом выделяются неплохо — более триллиона рублей в год на все виды исследований, но они «разбрызганы» по многим местам, между которыми отсутствует координация. Пока есть 15 и боль-